

ЧАСТЬ I

ОШИБКА РИЛЛЕНА ЛИ

1

Я, Риллен Эр Ли, человек Проклятого Века, гражданин некогда могущественного государства Соединенные Республики, пишу эти записки, несмотря на смертельную опасность подобного занятия. Я пишу их, конечно, не для современников и даже не в назидание потомкам. Просто я чувствую необходимость поведать кому-нибудь о роковой ошибке, повлекшей за собой катастрофу, поведать хотя бы листам бумаги, если, конечно, ту мерзость, на которой мне приходится писать, можно назвать бумагой. Не знаю, прочтет ли кто-нибудь когда-нибудь эту повесть; но если это так, то кто бы вы ни были, неведомые читатели, заклинаю вас, не отнеситесь к ней как к мрачной фантазии мрачных времен! Все, изложенное здесь, — чистая правда о самом трагическом периоде истории Лямеза.

События, которые я намереваюсь изложить, начались в 83 году Проклятого Века — это название появилось уже тогда, но еще не было официальным. Его употребляли некоторые писатели и журналисты. Это был разгар глобального кризиса цивилизации. С какими только определениями не употреблялось тогда слово «кризис»! Внутриполитический, внешне-

политический, экономический, экологический, ресурсный, культурный — и все это было правдой, и все эти проблемы, словно адские шестеренки, цепляли одна другую, раскручивая и раскручивая роковой механизм. Разумеется, кризис не обошел стороной и Соединенные Республики, одну из крупнейших держав тогдашнего Лямеза. В год, о котором я веду повествование, у власти в стране находился Генерал-Президент Андего III. Сейчас это имя вряд ли кому-нибудь много скажет, а между тем это был один из известнейших политиков Проклятого Века. Он обладал твердой уверенностью, что все проблемы можно решить силой, и режим его был, по существу, террором, плохо маскируемым под демократию. Свой рассказ я начну с того дня, когда на Андего было совершено покушение.

Собственно, официально о нем так и не было объявлено. Андего был ранен легко и уже через два дня выступал по телевидео. О покушении я узнал от Кройлеса Ди, моего старого школьного друга, а в то время чиновника Министерства Государственной Безопасности. Вечером он зашел ко мне и рассказал о случившемся. Не знаю почему, но Кройлес доверял мне — это в те-то времена, когда никто не доверял никому! Возможно, оттого, что чувствовал себя виноватым, поскольку пошел служить в учреждение, которое в юности мы оба презирали...

Так или иначе, он сообщил мне подробности: в президента стрелял один из охранников, один из самых проверенных людей в окружении Андего. Мы некоторое время говорили о том, что это может означать. За окном начинало темнеть, я взглянул на часы.

— Скоро начинается комендантский час, — напомнил я Ди. — Ты успеешь домой?

— Пустяки, — отмахнулся он, — у меня спецпропуск.

— Все равно твое начальство узнает, могут быть неприятности.

Ди неопределенно пожал плечами и принялся терзать подбородок; казалось, он собирался что-то сказать и не мог решиться. Наконец он придвинулся ко мне и глуховато произнес:

— Ты знаешь, готовится новый закон о перебежчиках.

— Ну и что?

— Так... Правительство принимает все более жестокие меры, а число перебежчиков растет. Только будь я среди них, я бы поторопился с побегом, пока не приняли новый закон. Даже если человек колеблется, он должен решать немедленно, а то потом за это дело будут расстреливать.

— Что-то не пойму, куда ты клонишь. Уж не думаешь ли ты, что я состою в кружке перебежчиков?

— Не состоишь... но, зная твой характер, думаю, мог бы состоять...

Я посмотрел на него в упор.

— Сейчас ведь все это упростилось... — продолжал он. — Не нужно проникать в секретные лаборатории. Самодельные машины вполне надежны.

— Ты предлагаешь мне!..

Он смотрел на меня недвижным горящим взглядом. Да, он был моим другом, он сообщал мне служебные секреты, он делился со мной крамольными мыслями. Но сейчас... сейчас он толкал меня на го-

сударственное преступление. На то, что вот-вот должны были законодательно приравнять к государственной измене.

Собственно, принцип передвижения во времени, как это случалось со многими великими открытиями, был обнаружен совершенно случайно. Исследования проводились на стыке физики с кибернетикой, что-то в области новых, неполупроводниковых интегральных схем, очередного шага микроминиатюризации вычислительной техники. Но на каком-то этапе работы новые устройства функционировать отказались. Электрический импульс на выходе схемы фиксировался совсем не тогда, когда должен был. Более того, он появлялся на уже отключенной схеме. Сначала полагали, что получился принципиально новый конденсатор большой емкости. Но эта теория не подтверждалась опытами. Наконец увеличили подаваемые мощности... и тут убедились, что имеют дело с перемещением энергии, а затем и материальных тел во времени. Это открытие было сделано в Южной Федерации и, разумеется, тут же оказалось глубоко засекречено. Но — не знаю, надо ли отдать честь нашей разведке или нашей науке — вскоре подобные результаты были получены и у нас. Впоследствии секретом завладели и другие ведущие страны Лямеза. Несколько лет исследований показали, что изменить прошлое из настоящего невозможно. Вместе с этим отпала заманчивая возможность отправить в прошлое вооруженный десант и уничтожить державу противника, так сказать, в зародыше, или просто подредактировать историю. Требования к секретности снизились, и открытие получило огласку.

В конце концов правительствам пришлось признать возможность путешествий во времени, и они сразу установили строжайшую монополию на эти путешествия. Попытки отправить в будущее шпионов с целью выведать военные секреты у людей, живущих на десять-двадцать лет позже, также не увенчались успехом: зная о шпионах из собственной истории, державы будущего выработали столь сложную систему проверки граждан, что лишь нескольким агентам удалось вовремя бежать в свое время, не узнав практически ничего; остальные были выявлены и, вероятно, уничтожены. Посылали разведчиков и в более удаленные эпохи, но ни один из них не вернулся. Таким образом, величайшее открытие не имело стратегического значения. Тогда государства попытались извлечь из него коммерческую выгоду. Будущее уничтожало разведчиков, но, возможно, оно согласилось бы принять мирных туристов? Были предприняты многочисленные попытки наладить подобную связь, нашлось немало добровольцев для засылки в более и менее отдаленные времена. Вернулись лишь те из них, которые отправились на несколько лет вперед — вернулись с вестями неутешительными: все проблемы Лямеза в близком будущем только обострились. Более никто не вернулся, и это охладило пыл правительств и многочисленных добровольцев. Постепенно государственные наборы в хроноотряды прекратились, а для частных лиц хронотехника была еще слишком сложна. Меж тем оправдывались мрачные предсказания вернувшихся хронопутешественников: астрономические суммы шли на вооружения, экологическая ситуация продолжала ухудшаться,

прежние политические институты рушились на глазах — на смену конституционным свободам приходили жестокие диктатуры и мафия. Гуманисты пытались спасти гибнущую культуру, экономисты тщетно искали выход из мирового кризиса. Наркомания и преступность все более распространялись в молодежной среде. Вдобавок ко всему появилась новая загадочная болезнь с длительным инкубационным периодом, принимавшая различные формы и убивавшая наверняка; по первым буквам научного названия она получила название СИДА. Передаваясь преимущественно половым путем, она приняла характер пандемии. Религиозные деятели утверждали, что это — кара человечеству за разврат, политики обвиняли своих противников в создании нового биологического оружия, в обществе множились самые невероятные и панические слухи. Пробовали вновь обратиться к будущему, но ни через два, ни через три года еще не знали вакцины, а из более отдаленного времени никто не возвращался.

Пожалуй, как раз в это время и возникла идея о том, что из будущего не возвращаются, поскольку все проблемы там решены и жизнь прекрасна — никто не желает отправляться обратно в Проклятый Век. Правда, одновременно существовала и противоположная концепция: в будущем произошла ядерная война, и экспедиции погибли в радиоактивной пустыне без средств к возвращению — ведь машины сами не путешествовали во времени, они лишь «выстреливали» материю в будущее или в прошлое. Однако эта гипотеза была опровергнута Государственным институтом хроноисследований Соединенных

Республик, отправившим в будущее возвращаемый зонд. Подобно своим космическим собратьям, он состоял из двигательного и приборного отсеков. Двигательный отсек представлял собой небольшую машину времени, возвращавшую в прошлое приборный отсек, который проводил примерно те же измерения, что и космический аппарат на другой планете. Несколько таких зондов отправили в близкое будущее, но ни один не вернулся — очевидно, люди будущего с помощью хронодетекторов, появившихся уже в наше время, засекали прибывший зонд и не давали ему возвратиться. Наконец, ГИХИ отправил зонд сразу на сто лет вперед...

Результат был потрясающий. Зонд вернулся, обнаружив нормальный радиационный фон, нормальную температуру, исключительно чистый воздух и плодородную почву. Правительство имело глупость предать это гласности, надеясь побороть в населении возрастающую апатию и агрессивность в связи с угрозой ядерной войны. Но результат был вовсе не таков, как ожидали политики.

Толпы людей по всему миру осаждали институты, требуя включить их в состав хроноэкспедиций. Им сперва отказывали, потом стали разгонять. Демонстранты лезли с плакатами на дубинки и пластиковые щиты. Демократические партии включали в свои программы пункты об отмене государственной монополии на хронопредвижения, а затем и о праве человека на выбор времени проживания. Правительства отвечали репрессиями. Обстановка накалялась до тех пор, пока дивизия генерала Дролла, над головой которого сгустились тучи, не взяла штурмом

один из центров хроноисследований. Пока выставленные на окраинах городка части дрались с правительственными войсками, генерал, весь высший, 90% низшего офицерского состава, а также 60% рядовых бежали в будущее.

Волна побегов прокатилась по развитым странам. Бежали те, кто имел доступ к машинам, — сотрудники институтов и лабораторий. Их место занимали новые, занимали с единственной целью — бежать вслед за своими предшественниками. Перед Лямезом в целом встала проблема массового бегства в иное время. Тогда-то и был оформлен юридически статус хронодезертирства, или перебежничества. Законы против перебежчиков ужесточались с каждым годом, но технический прогресс делал побег все доступнее, и число перебежчиков росло. Борьба с хронодезертирством явилась беспрецедентным случаем в мировой юридической практике. Это было единственное преступление, за которое невозможно покарать *после* его совершения. Нельзя же было все-речь надеяться, что будущие правительства в течение сотен лет будут выполнять какие бы то ни было решения нынешних властей, а даже если бы это было и так, для перебежчиков осталось бы открытым прошлое, лишенное удобств технической цивилизации, но манящее отсутствием экологического кризиса, мафии, ядерной угрозы, СИДА, а также возможностью испытать себя в опасном, но доходном амплу предсказателя. И правосудие всего мира — сперва тоталитарных, а потом и демократических государств — нашло выход: перебежничество должно караться *до* совершения. И хотя населению Соеди-

ных Республик не привыкать было к обыскам, доносам и допросам, теперь они особенно участились. Кройлес Ди, как работник госбезопасности, не мог не знать всей трудности и опасности попыток к побегу... но он решился... или?!

Видимо, уловив мелькнувшее в моем взгляде презрение, Ди вскочил.

— Как ты мог подумать! Я никогда не был провокатором! Да и к тому же... если тебя арестуют, ты сможешь рассказать обо мне столько...

— Ты можешь ответить, что испытывал меня подобными разговорами.

— Да пойми ты, что цель государства не в том, чтобы избавиться от колеблющихся, толкнув их на побег, а в том, чтобы всеми силами отвлечь колеблющихся от побега! Потому что сейчас, может, вся страна колеблется!

— Хорошо. Извини.

— Да мне грех обижаться... Нас вся страна ненавидит.

— И боится.

— А что мне в этом? Власть? Эта власть призрачна! Завтра же начальник напишет на меня рапорт или подчиненный — донос, и я отправлюсь вслед за нашими «клиентами»! Я пошел в это проклятое учреждение потому, что мне казалось, будто только служа в государственной безопасности, можно быть в безопасности от государства. Боже, боже, как я ошибался! Именно здесь опаснее всего! Но уйти я не могу, пытаться уйти...

— ...значит расписаться в собственной нелояльности. Ты говорил это уже сотню раз.

Кройлес смолк, как-то весь съежился, отвернулся к окну. Затем сказал, не оборачиваясь:

— Мне не звони — могут прослушивать телефон. Завтра я сам позвоню тебе, спрошу, как насчет пикника. Если ты надумаешь, я назову тебе место встречи.

— Почему не сейчас?

— Ты извини, но мы тоже не можем безоговорочно верить тебе.

Ди собрался уходить.

— Подожди, — остановил я его, — насколько я понимаю, ты предложил мне это не просто из дружеских побуждений.

— Разумеется. Даже если бы я захотел принять тебя бескорыстно, другие не позволили бы мне. Ты должен будешь достать нам некоторые микросхемы.

— Я не имею никакого отношения к хронотехнике.

— Зато ты имеешь отношение к кибернетике. Ты бы удивился, узнав, сколько разработок твоей отрасли применяется в хронотехнике.

— Но ведь это разработки военного профиля! Ты знаешь, что будет, если меня поймают?

— Тебе еще не поздно отказаться. Подумай как следует и завтра дашь мне ответ. А теперь прощай.

2

Трудно описать, как я провел ту ночь. Мысль о возможности вырваться из лап полиции, госбезопасности, из тисков Проклятого Века не давала мне по-

коя. Но, с другой стороны, что ждало меня в случае провала? Арест, пытки, «наркотики правды»... Восемь лет лагерей, это в лучшем случае. Если не припаяют расстрел за кражу микросхем, подведя это под шпионаж. Однако, чтобы избежать этого, просто отказаться от побега недостаточно. Я должен был немедленно позвонить по одному из работавших круглосуточно телефонов, которые в народе окрестили «телефонами доверия», и сообщить все о своем разговоре с Кройлесом. Этого я сделать не мог.

К утру я так и не решил, согласиться или отказаться. Я сидел перед телефоном, обмотав голову мокрым полотенцем, и ждал звонка. И звонок раздался. Я медленно поднес трубку к уху.

— Вы еще не приобрели часы марки «Полюс»? — раздался в трубке мягкий женский голос. Я швырнул трубку на рычаг. Проклятая реклама! И тут телефон зазвонил вновь.

— Салют, Риллен! Ну что ты решил насчет пикника?

В моем сознании всплыл обрывок одной из речей Генерала-Президента. «Недоносительство, — вещал он, — есть большее преступление, чем простое соучастие. Соучастник скрывает правду от властей потому, что в случае раскрытия преступления будет наказан, то есть он прямо заинтересован в нераскрытии преступления. Недоноситель же знает, что в случае информирования властей его ждет не наказание, а награда, он прямо заинтересован в раскрытии преступления, но не способствует ему. Ясно, что так может поступать только сознательный враг государ-

ства. Соучастник может быть просто уголовником, недоноситель же всегда политический преступник».

— Ты меня слышишь? Я спрашиваю насчет пикника!

— Я приму в нем участие, Кройлес.

— Тогда я жду тебя за углом третьего от твоего дома, налево.

Кройлес удачно выбрал место: даже если разговор прослушивался и вызвал чьи-либо подозрения, агенты не успели бы добраться до места раньше меня. Когда я свернул за угол, из переулка выехал Ди и распахнул дверцу автомобиля. Я сел внутрь, и машина на большой скорости выехала на магистраль.

— Прежде чем ты станешь членом кружка, — сказал мне Ди, — я должен познакомить тебя с некоторыми пунктами устава. Приняв мое предложение, ты автоматически согласился ему подчиняться.

— А если я откажусь?

— Я предложу тебе укол, после которого ты забудешь этот разговор и многое другое, но останешься психически нормальным. Если ты будешь сопротивляться, мне придется тебя убить.

Взглянув на Ди, я понял, что он совершенно серьезен.

— Пойми, я не могу поступить иначе. Итак, ты обязан выполнять решения собрания кружка и непосредственно руководителя, даже если это противоречит законам или твоим убеждениям.

Я медленно кивнул.

— Никого из членов кружка ты не будешь знать ни в лицо, ни по фамилии. Сам ты тоже выберешь себе псевдоним.

— Я оставлю себе свое имя. Мне кажется, это, как наименее вероятное, надежнее всего.

— Хорошо, ты будешь называться Рилленом. Если кружок безвозмездно потребует от тебя денег, ты дашь их.

— Хорошо.

— Если ты знаешь человека, надежного и полезного для организации, ты можешь рекомендовать его. До тех пор пока он не согласится повиноваться уставу, он не должен ничего знать о кружке. За рекомендованного тобой ты отвечаешь жизнью.

— В данный момент ты рекомендуешь меня?

— Именно так. Итак, ты согласен подчиняться уставу?

— Да.

— Весь разговор записан на пленку. С этого момента ты — соучастник хронодезертирства. Пленка будет предъявлена властям в случае твоего предательства.

Машина остановилась перед трехэтажным коттеджем. Мы вышли и направились к дверям. Секунду установленная над входом телекамера изучала нас, потом дверь открылась. В холле Ди достал две черные повязки, которые целиком скрывали лицо, оставляя лишь щели для глаз и рта. Одну он надел сам, другую дал мне. словно террористы в кинобоевике...

— Меня отныне называй Лоут, — сказал он. — Сейчас тебе предстоит безвредная проверка. Что бы с тобой ни делали, не сопротивляйся.

Я вошел в небольшую комнату, где стояли два кресла и журнальный столик. Ди закрыл дверь снаружи, и я остался один. Вскоре через дверь напротив

вошел высокий человек в такой же черной повязке и с железным ящичком в руке.

— Садитесь в кресло, — велел он мне и поставил ящичек на столик. Открыв его, он достал оттуда моток какой-то ленты и привязал ею мои руки к подлокотникам. Помня наставления Ди, я не сопротивлялся. Человек засучил мне рукав на левой руке, достал из ящичка ампулу и шприц и сделал мне укол.

Напрягшись, я ждал чего-то неприятного, но ничего не происходило. Боль от укола почти прошла, и я с недоумением смотрел на человека, севшего в кресло напротив.

— Что вы чувствуете? — спросил он.

— Ничего.

— Вы всем довольны?

— Нет.

— Вы хотите жить?

— Конечно! — ответил я с некоторым испугом.

Человек вновь замолчал. Постепенно я почувствовал сонливость. По телу разлилась слабость, сознанием овладела апатия.

— Вы готовы отвечать? — снова спросил мой странный собеседник.

— Да.

— Вы хотите жить?

— Мне все равно, — ответил я чистосердечно.

— Сколько будет дважды два?

— Четыре.

— На самом деле пять. Вы согласны?

— Да.

— Ударьтесь головой о спинку кресла.

Я исполнил. У меня не было ни сил, ни желания сопротивляться его приказам.

— Еще раз.

Я повторил.

— Хорошо. Теперь отвечайте все, как есть. Вы — агент госбезопасности?

— Нет.

— Вы засланы к нам специально?

— Нет.

— Вы сторонник режима Андего?

— Нет.

— Вы собираетесь предать нашу организацию?

— Нет.

— Вы кому-нибудь говорили о своем вступлении?

— Да.

— Кому именно?

— Лоуту.

— Еще кому?

— Никому.

— Вы достанете необходимые нам детали?

— Да.

Те же вопросы он повторил еще несколько раз, все время меняя их порядок. В глазах у меня двоилось, я едва слышал свои ответы. Наконец он поднялся, и мне показалось, что громадная зыбкая тень нависла надо мной.

— Вы приняты в наш кружок, — отдалось у меня в мозгу, и я потерял сознание.

Очнулся я все в том же кресле. Мои руки были свободны. Надо мной стоял Лоут.

— Все в порядке, Риллен, — улыбнулся он. Мы были вдвоем, и на лице его не было маски.

— Что это было? — спросил я.

— Препарат D, — отмахнулся он. — Один из применяемых госбезопасностью. Разовая доза его действительно безвредна, но если это повторять каждый день, через месяц человек превращается в полного кретина.

— Погоди, — я начал понимать. — Это что же, ты удружил мне этой гадостью?!

— Всякий член организации вносит свой вклад. Я информирую кружок о действиях и планах госбезопасности, а также достаю некоторые препараты. Ты напрасно оскорбляешься. Как только я добыл эту штуку, все члены кружка, в том числе и я, прошли эту проверку. Пойдем, тебя ждут.

Он снова надел маску и вышел. Я последовал за ним, стараясь примириться с жестокостью законов кружка — жестокостью, вполне обоснованной мерой против перебежчиков.

Мы поднялись на второй этаж. Следом за Лоутом я вошел в большую полутемную комнату. Жалюзи на окнах были опущены. То, что я увидел, напомнило мне тайные секты Средневековья, как их описывают в романах. За круглым столом сидели десять человек (Лоут был одиннадцатым, а я — двенадцатым), все в похожих костюмах и черных масках, скрывавших лица. Один из них поднялся при моем появлении.

— Приветствую нового члена общества, — сказал он. — Я руководитель Эрэл. А это Коннол, Глэк, Ласус, Холлен, Ри, Делль, Саннэт, Зи и Дойлес. Лоута вы уже знаете.

— Меня зовут Риллен, — представился я.

— Итак, Риллен, вы будете поддерживать непосредственный контакт с тремя членами кружка: вы будете знать их телефоны и выработаете свой условный язык, с помощью которого сможете обмениваться с ними любой информацией, относящейся к кружку. С этими людьми вы можете общаться вне этого здания, в обычной обстановке. Со всеми остальными вы будете встречаться только здесь и ничего не будете о них знать, кроме их псевдонимов. В случае, если один из ваших напарников будет арестован, вы должны немедленно предупредить других, уехать из города и сделать укол.

— Какой укол?

— Сегодня вы получите шприц и ампулу амнезина. В случае опасности ареста укол существенно промывает вам память, и госбезопасности придется долго стараться, чтобы выудить из вас сведения о кружке.

— Значит, даже если меня не схватят, я забуду о кружке и потеряю всякую возможность бежать с вами?

— Человек, напарник которого арестован, автоматически выбывает из кружка. Это пункт устава, и вы обещали ему повиноваться. Таким образом мы обрываем нити в руках госбезопасности.

Эрэл протянул мне коробочку со шприцем и ампулой. Я опустил ее во внутренний карман.

— Садитесь, — сказал Эрэл и, указав мне на свободный стул у стола, сел сам.

— Одним из ваших напарников является рекомендовавший. Другие — из числа тех, которые имеют лишь одного или двух напарников, — представят-

ся вам сегодня. Если вы сразу никому не приглянетесь, у вас тоже пока будет один напарник. Запомните: ни один из ваших напарников ничего не должен знать о других. Информацию, полученную от одного из них, вы передаете остальным. Условный язык в общении с каждым из них должен быть разным. А сейчас начнем заседание.

Эрэл сделал краткий анализ ситуации. Речь его сводилась к тому, что необходимо спешить: утром бежал в будущее начальник госбезопасности и полиции города. На его место назначен генерал Сторр, получивший за прежние свои подвиги прозвище Убийца.

— Это человек очень умный, очень энергичный, очень жестокий и абсолютно беспринципный. Он подавлял восстания в Южных провинциях, Республике Дру и секторе Би. В последнее время известен как истребитель перебежчиков. Лаус, в каком состоянии ваши дела?

— Монтаж силовых установок в основном закончен. Осталась хроноэлектроника, но здесь не хватает многих деталей.

— Будем надеяться, они скоро будут. Оружие, Саннэт?

— Будет на той неделе вместе с боеприпасами.

— Лоут, какая у вас информация?

— Пока все тихо, о нас никто не догадывается. Но, может быть, Эрэл?..

— Да?

— Убрать этого Сторра?

— Ваше мнение, Ри?

— Это безрассудство. Сторра слишком хорошо

охраняют. Даже если покушение удастся, нашего человека наверняка схватят. Вы понимаете, чем это грозит.

— Другие мнения есть?

Других мнений не было.

— У меня вопрос к Коннолу, — сказал один из молчавших до сих пор, кажется, Зи. — Мы все еще не решили важный вопрос — о цели нашего путешествия, точнее, о времени прибытия. Для этого нужны определенные теоретические знания. Я хочу, Коннол, чтобы вы объяснили нам принцип детерминизма и влияние настоящего на прошлое и будущее.

— Да, — сказал Коннол, — мы так увлеклись практической подготовкой к побегу, что совершенно не уделяли внимания хронотеории. Что же, я восполню этот пробел. Так вот, принцип исторического детерминизма заключается в том, что хотя все события во времени взаимосвязаны, ни одно из них не может быть изменено. Если некоторый факт существует во времени, то как бы вы ни старались его изменить, результатом всех ваших усилий оказывается именно этот факт. Простой пример: вы решили помочь Налу в покушении на диктатора Уллена. Вы отправляетесь в прошлое и обнаруживаете, что там никто не слышал ни о каком Нале. Вы ищете его, и в результате имя Нала, связанное с вашим обликом, остается в памяти у нескольких людей. Наконец, никого не найдя, вы достаете такой же пистолет и отправляетесь на площадь, надеясь помочь Налу во время самого покушения. Наступает соответствующая минута... Никто не стреляет! Вы в растерянности делаете это сами... диктатор ранен, вы в руках полиции и в отчаянии назы-

ваетесь Налом. Вас благополучно расстреливают, а в учебники истории входит факт покушения Нала на Уллена.

— Вы что же, хотите сказать, что Нал — пришелец из будущего? — спросил Зи.

— Разумеется, нет, это просто абстрактный пример.

— Значит, все жестко предопределено и человек не свободен в своем выборе?

— Совсем нет. Каждый исторический факт является результатом сознательных действий тех или иных людей. У них постоянно был выбор, они непрерывно делали выбор, и именно в результате данного выбора в истории возник данный факт. А уж возникнув, он не может быть изменен. Это не так просто понять, но тогда это придется принимать на веру, как подтвержденную исследованиями теорию.

После этого заседание закончилось. Никто не подошел ко мне и не предложил себя в напарники.

3

Прошло несколько дней. Я постоянно обдумывал, каким образом достать необходимые микросхемы. Конечно, вынести их с территории института не составляло труда, но отчетность в моем отделе была на высоте, и пропажа очень быстро обнаружилась бы. В этом случае — немедленное расследование, возможно — допрос с применением психотропных средств, в эффективности которых я уже убедился.

Наконец я нашел выход. Я купил в магазине,

торгующем электроникой, несколько заурядных микросхем, внешне похожих на необходимые мне секретные, и принес их в лабораторию. В обеденный перерыв я вышел вместе со всеми, затем вернулся, убедился, что в коридоре никого нет, набрал код и вошел. Облачившись в халат, маску и перчатки монтажника, я выпаял из платы одного из блоков нужные мне детали и поставил на их место свои, после чего отправился обедать. Когда после перерыва мы включили блок, он моментально вышел из строя — я точно рассчитал, что и куда ставить. Напряжение настолько превзошло номинал, что обуглившиеся детали нельзя было отличить от украденных. Блок, в соответствии с инструкцией, был искрошен в порошок (секретность прежде всего!), а отдел потом еще долго искал ошибки в принципиальной схеме. В тот же день я передал добычу Лоуту. На следующем общем собрании моим напарником стал Делль.

На том же собрании Лоут доложил об аресте крупной организации перебежчиков. Они уже смонтировали машину и были схвачены совершенно случайно буквально перед самым побегом. Генерал Сторр ввел практику внезапных облав и обысков в самых разных районах столицы. Жертвой такого обыска и стали заговорщики.

— Надеюсь, нам такое не грозит? — спросил я, едва Лоут умолк.

— Разумеется, нет. Наша машина находится далеко отсюда и спрятана весьма надежно. Даже если нас застукают здесь во время собрания, мы успеем представить дело дружеской вечеринкой — в соседней комнате все подготовлено, — ответил Эрэл.

— Пир во время чумы, — усмехнулся Глэк.

— Да, пожалуй, — кивнул Холлен. — Слышали новость? Сегодня в Северной Империи армия правительства нанесла ядерный удар по войскам оппозиции. Атомное оружие применено в гражданской войне.

— Кошмар! — воскликнул Зи. — Ядерное оружие — против своего народа!

— Вы думаете, Андего поступил бы иначе? — пожал плечами Холлен. — Нет, в этом столетии нам терять нечего. Надо бежать.

— В этом никто не сомневается, — отрезал Саннэт.

— Вопрос в том, куда, — отметил Делль.

— Большинство перебежчиков выбирают срок порядка двухсот лет, — заметил Зи. — Не слишком оторвано от современности, можно адаптироваться.

— Чепуха, — решительно заявил я. — Пусть эти болваны бегут на двести лет вперед. Они унесут с собой туда все наши нынешние проблемы, даже законы против перебежчиков. Нет, мы уйдем в будущее на семь веков. Тогда-то уж точно на Лямезе построят настоящий рай. Ну а в крайнем случае, если нам не понравится, мы сможем перебраться в другое время. Представляю, какие совершенные машины времени будут тогда.

— Ну, нет, — заявил Лаус. — Здесь я один из лучших инженеров, а там буду дикарем, в принципе не способным догнать науку. Двести лет еще куда ни шло...

— Лаус прав, — поддержал его Дойлес. — Мы и так бросаемся в неизвестность очертя голову. Через

двести лет мы по крайней мере вынырнем среди своих современников, бежавших туда.

— Я полагаю, мы делим шкуру неубитого медведя, — вмешался Эрэл. — Машина еще не готова. Вопрос о нашей цели еще не стоит на повестке дня.

После этого разговора прошло еще несколько дней. Был принят новый закон о перебежчиках. Хронодезертирство приравнивали к дезертирству из армии в военное время. В то же время перебежчику, который выдаст своих сообщников, в случае их ареста обещалась полная амнистия и даже денежная премия. Облавы Сторра продолжались.

Однажды вечером я смотрел телевидео. Передавали последние новости. В одной из демократических стран, на которую чуть ли не молились наши диссиденты, к власти пришла военная диктатура; террористы взорвали здание Лиги Наций, погибло более трех тысяч человек из сорока двух стран... В этот момент зазвонил телефон, я снял трубку и услышал взволнованный голос Лоута:

— Риллен? Случилась беда. Дядюшка болен!

Я почувствовал, как холодеет в животе. Арестован руководитель Эрэл!

— Давно?

— Приступ случился сегодня. Приезжай!

— Но... уже поздно. Комендантский час...

— Риллен, поторопись, пока он в сознании!

— Понял!

Я швырнул трубку. Похоже, его взяли внезапно, и он не успел воспользоваться амнезином. Скорее всего, кто-то из наших предал. Теперь не время рассуждать. Аресты, должно быть, уже начались. Я по-

звонил Деллю. Никто не брал трубку. Похоже, дело далеко зашло! Собрать вещи? Некогда! Я сбежал вниз по ступенькам, влетел в гараж и сел в машину. Машинально ощупав карман, где лежал шприц с амнезином, я выехал на пустынную улицу и сразу свернул в темный переулок. Комендантский час...

Когда после мировой войны возросла преступность, никто не предполагал, к каким последствиям это приведет. И действительно, волну обычной преступности вскоре удалось сбить, а шпану, отбиравшую мелочь у детей и срывавшую шапки с прохожих, не принимали всерьез. Но время шло, и шпана эволюционировала. В драках все чаще мелькали ножи, а потом и огнестрельное оружие. Праздношатающиеся молодежные группы все более напоминали боевые организации. Общий кризис культуры и рост наркомании толкали в эти группировки все больше молодых людей. И наконец горожане убедились, что имеют дело уже не с примитивной шпаной, а с хорошо организованными и вооруженными молодежными бандами, занимающимися рэкетом, грабежами и убийствами и ведущими между собой постоянные кровавые войны за раздел территории. Как всегда, мы спохватились слишком поздно... И вот — комендантский час, бронированные автомобили, пуленепробиваемые жалюзи на окнах...

В зеркале заднего вида мелькнули фары. Только этого не хватало! Я тут же свернул в подворотню и некоторое время петлял по переулкам, так что сам едва не потерял ориентацию. Наконец я почти успокоился и взял курс на дом, где проходили наши собрания. Я уже подъезжал к нужной улице. Оставалось

миновать перекресток. И на этом-то перекрестке на встречу мне выскочил полицейский автомобиль. Сворачивать было поздно, и я на полной скорости проскочил мимо него. В зеркало я увидел, как машина разворачивается и устремляется в погоню.

На шоссе у моей старушки, купленной на распродаже, не было никаких шансов в состязании с мощным мотором полиции. Единственной надеждой были переулки. Громоздкий бронированный полицейский лимузин обладает плохой маневренностью.

На полной скорости я свернул в какую-то улочку. Машина встала на два правых колеса, едва не врезавшись в стену, и я явственно ощутил запах горелой резины. Затем колеса тяжело ударились о тротуар, и я помчался дальше. Несколько раз мне казалось, что я оторвался от преследователей, но фары полицейского автомобиля вновь возникали из-за очередного поворота — всякий раз все ближе. Два раза меня обстреливали из автоматов. Я падал на сиденье, на меня сыпалось разбитое стекло, я отчаянно рулил, почти не видя дороги. Я понимал, что долго так продолжаться не может: я либо врежусь, либо получу пулю в шину или бензобак. Наконец я нырнул в очередную подворотню... и изо всех сил вдавил педаль тормоза. Лучи фар уперлись в глухую стену. Тупик! Я сам загнал себя в ловушку.

Мозг работал с лихорадочной быстротой. Выскакивать из машины бессмысленно: подьезды заперты, на окнах жалюзи, бежать некуда и спрятаться негде. Если полицейские видели, куда я свернул, я погиб. Выехать назад — значит попасть к ним в лапы. Но если они не видели...